

УДК 1(091); 101.1:316

© А.А. Тесля, 2011

**НЕОСЛАВЯНОФИЛЬСТВО В ПЕРИОД ПЕРВОЙ РУССКОЙ
РЕВОЛЮЦИИ И СТАНОВЛЕНИЯ «ДУМСКОЙ МОНАРХИИ»
(по материалам дневника А.А. Киреева 1905 – 1910 гг.)¹**

Тесля А.А. – к.филос.н., доц. каф. «Философии и культурологии» (ТОГУ), тел. 22-43-94, e-mail: atesla@mail.ru

Анализируются взгляды генерала Киреева, отраженные в его дневнике 1905 – 1910 годов, представляющие интерес как отражение изменений в неославянофильской доктрине в период первой русской революции и в ближайшие годы после нее. Упадок славянофильской политической программы отчасти компенсируется в это время вниманием к церковным вопросам, деятельности в рамках подготовки Поместного собора Русской православной церкви (1917 – 1918).

Examines the views of general Kireev, as reflected in his diary, 1905 – 1910 period of interest as a reflection of changes in Neoslavophilism's doctrine during the first Russian revolution and in the years thereafter. The decline of the political program of the Slavophil partly compensated for this time attention to church matters, the activities in preparation for the Local Council of the Russian Orthodox Church (1917 – 1918).

Ключевые слова: славянофильство, неославянофильство, Русская православная церковь, империя, монархия, национальное сознание.

«Неославянофильство» – достаточно условное и неустоявшееся понятие, используемое для обозначения целого ряда весьма разнородных направлений, начиная с историософских построений Н.Я. Данилевского и заканчивая разнообразными идеологическими течениями 2-й половины XX века. Впрочем, аналогичная судьба и у исходного понятия: «славянофильство», приобретшего относительную определенность в исследованиях по истории русской общественной мысли только в последние несколько десятилетий, после концептуальных работ Н.И. Цимбаева [см.: 8, 5 – 55]. В настоящей работе понятие «неославянофильство» используется как описательное, охватывающее идеи, характерные для следующих персоналий: Д.А. Хомяков, Ф.Д. Самарин, А.А. Киреев, С.Ф. Шарапов². Как отмечает современный исследователь данного

круга мыслителей К.А. Соловьев: «Анализируя их интеллектуальные построения, следует иметь в виду, что речь идет не о партийной идеологии, предполагающей общий консенсус и безусловную монолитность. Неославянофильские концепции нельзя свести воедино, игнорируя их очевидные интеллектуальные особенности. Каждая из них предлагает особый путь адаптации славянофильских идей к условиям модернизационных процессов начала XX века» [6, 10]. По нашему мнению вряд ли правомерно ограничивать проблематику неославянофильства столь узкими временными рамками – проблемы адаптации славянофильства к современности находятся в центре внимания названных и близких к ним лиц с 70-х – 80-х годов XIX века и вплоть до завершения их интеллектуальной активности. Однако в этих размышлениях позволительно выделить два решающих, концептуально значимых момента: 1) первые годы после восшествия на престол Александра III³ и 2) период первой русской революции и становления недолговечной «думской монархии» (1905 – 1907).

Значительный вклад в расширение и углубление наших представлений об изменении взглядов неославянофилов и их реакции на быстрые и радикальные изменения государственного строя Российской Империи в период 1905 – 1910 гг. вносит публикация дневника Александра Алексеевича Киреева (1833 – 1910). Киреев никогда не занимал ключевых постов, однако его происхождение и придворные связи обеспечили ему постоянный доступ ко двору и некоторое неофициальное влияние⁴, которое он, впрочем, не был склонен преувеличивать в собственных глазах. Себя Киреев аттестовал как «последнего из могикан» классического славянофильства [5, 273], стремясь в своей деятельности и в публицистических произведениях проводить последовательные славянофильские взгляды.

Как и большинство представителей неославянофильства, Киреев оценивал русскую государственную политику 1881 – 1905 гг. преимущественно негативно – по его мнению, это было время упущенных возможностей. Размышляя осенью 1906 г. об истекшем двадцатипятилетии, он отмечал (запись от 20 октября): «Александр[а] II убили. Понятно, что Алекс[андр] III должен был подтянуть поводья, остановить ход России. Но вместо того, чтобы через 2, 3, ну 4 года повести Россию по славянофильскому либеральному пути, А[лександр] III продолжал затягивать поводья, давал машине задний ход. Его авторитет был еще довольно велик для того, чтобы государственное здание еще держалось, фасад стоял» [3, 171]. В этой оценке Киреев оказывался в целом близок не только своим современникам, но и оценке, данной И.С. Аксаковым, поддержавшим первые меры нового царствования (в 1881 г.), однако чем далее, тем более находившего правительственную политику тупиковой: по его мнению, реакция правомерна как ответ на угрозу режиму, с которой он столкнулся в конце 1870-х – начале 1880-х годов, но продолжение того же курса уже не имело ничего общего с консерватизмом, т.е. *развитием*, исхо-

дящим из начал, понимаемых как «традиционные», присущие русскому народу⁵ – охранительные меры оказывались самоценны и тем самым обращались из необходимых в кризисной ситуации в источник все больших в дальнейшем проблем для развития государства и общества.

Кризис, вызванный неудачным ходом русско-японской войны, а затем начавшимся и быстро набирающим обороты революционным движением, оценивался Киреевым как закономерный итог предшествующей политики. В значительной степени виновником сложившегося положения Киреев считает правящего государя. Со слов Е.А. Нарышкиной 19 января 1905 г. он записывает: «Царь впал в какое-то безвольное настроение, апатию. Он не понимает, что войну вызвал он сам, войдя в глупые гешефты на Ялу. Ему кажется, что война эта как-то с неба свалилась» [3, 24]; запись от 22 января: «Трудно разобратся в противоречиях нашей жизни <...>. Опасности страшные. Правительств нет. Есть Царь, но нет общего направления, нет руководящей мысли» [3, 25]. Настаивая на необходимости быстрого и жесткого подавления волнений⁶, считая желательной диктатуру и сомневаясь единственно в наличии подходящего человека для диктаторских полномочий, Киреев в то же время расценивает ситуацию как возможность осуществления давно необходимых реформ, записывая в дневник 20 февраля 1905: «...Рескрипт Булыгину – величайший акт мудрости, хотя и бессознательной. Люди радовались, приветствовали друг друга, точно в Рождество Христово. Лишь бы не вздумали отобрать мужиков и напустить в этот Земск[ий] собор интеллигентов и разночинцев-конституционалистов» [3, 32].

Булыгинская дума представляется Кирееву решающим шагом к осуществлению славянофильских представлений об адекватном государственном устройстве России: власть, принадлежащая царю, и право совета, принадлежащее обществу, «земле» [3, 189]. Если с точки зрения Д.А. Хомякова и московского кружка неославянофилов, группировавшегося вокруг него, уже рескрипт Булыгину явился фактически шагом к конституции, то Киреев полагает, напротив, ситуацию приближающуюся к славянофильским чаяниям, что проявляется и в его общественной активности. На протяжении весны-осени 1905 г. он принимает активное участие в организации и деятельности «Отечественного союза», мысля его зародышем общероссийской партии умеренно-консервативного толка [4, 335]: «Очевидно, как люди средних, умеренных, центральных мыслей, мы никому не угодим, ни правой, ни левой, но в конце концов Россия несомненно пойдет по равнодействующей. Такова судьба всякой средней партии, le parti des honnêtes gens [“партии честных людей”, *фр.*]» [3, 60]⁷. Центральной заботой Киреева в это время становится работа над избирательным законом, попытка повлиять на разработку его в правительстве, дабы созываемое собрание основывалось на сословном принципе, в соответствии с Земскими соборами Древней Руси⁸: «“Сословность”, введенная в нашу программу, конечно, возбудит против нас крики левых, но

иначе нельзя удержать самодержавного строя, иначе мы попадем в конституцию [выд. нами – *А.Т.*]» [3, 60]. Соответственно, манифест 17-го октября воспринимается Киреевым как катастрофа: «Тяжело на душе! 60 лет (мне на днях 72 года) верил я в русское самодержавие (окруженное совещательными учреждениями (Земск[ий] собор, Дума)). Эти чувства, вначале неясные, мало-помалу обращались в мысли, затем превратились в систематизированные убеждения – и вот, когда я думал, что заветная мысль моя увидит свет, что она даже (хотя очень неполно и как бы карикатурно) увидела свет в Государственной думе. Тут-то, благодаря трусости, глупости, неумелости, шаткости правительства, этот идеал рухнул! У нас конституция и даже из передовых!» [3, 103 (запись от 18 октября 1905)]. В сентябре 1906 г., осмысляя происшедшие перемены и сожалея об упущенных возможностях, Киреев пишет: «с его [т.е. Александра III – *А.Т.*] смертью авторитет погиб в противоречиях внешней и в особенности внутренней политики, нужно было стать добровольно на путь реформ в славянофильском духе, вышло обратное – испуг – западная конституция» [3, 171 (запись от 20 сентября 1906)].

Манифест 17-го октября и последующие конституционные преобразования приводят Киреева к выводу, аналогичному тому, к которому несколько ранее пришел Д.А. Хомяков. Подводя итоги 1906 г. Киреев записывает: «Минувший год служит несчастным переломом нашей истории. Идеалы славянофильства, которыми мы, славянофилы, руководились, которые хотели передать не только России, но и всему свету, по крайней мере, всему славянству – погибают, если совсем уже не погибли. Хомяков видит *finis Rossia*. В том, что уничтожается община, да ведь все три устоя России – самодержавие, православие и народность – поколеблены до основания и едва ли снова утвердятся. Итак, *finis* нашей *Rossia*, а иное может ли быть? Едва ли!» [3, 184 (запись от 31 декабря 1906)].

Подобные результаты вынуждают Киреева задуматься о том, не было ли ошибки в самой славянофильской доктрине, правильно ли она представляла себе особенности русского народного духа – опыт революции 1905 – 1907 гг. поставил под вопрос не одну только политическую составляющую доктрины, но и самую основу, представления о русском народе: «Как вся эта сильная религиозность, которой мы хвастаемся, которая была признаваема за нами понимавшими дело иностранцами (н[а]пр[имер], Гакстгаузен), быстро проваливается, исчезает и притом перед какой критикой?! Невежественных агитаторов, “пропаганцев”. Стало быть, все это не сильно, все это держалось только благодаря тому, что от напора огораживал “городовой”. Не стало городского, и религиозность испарилась!! Приговариваемые к казни революционеры почти все отказываются от своей веры, от целования креста... от священника... Все, что у нас было лучше, нежели где бы то ни было, и религия наша лучше, и форма правления (самодержавие и Земск[ий] собор) и национальность наша выше, как ставящая выше всего этический элемент, и все это

расползлось вдруг сразу. [...] Но ведь это значит, все это было, если не выдумано нами, славянофилами, то все же было лишено крепких оснований» [3, 170 – 171]. Однако отказ от самого существа славянофильских представлений для Киреева немыслим – риторически вопрошая, не выдумано ли «все это» славянофилами, он не задумывается с ответом: суть определена славянофилами верно: «все это было действительно таковым в своих глубочайших основах, а потому что все было порчено, но корни остались» [3, 171]. Отсюда, кстати говоря, вытекает готовность славянофилов при всем их консерватизме к довольно смелым и радикальным решениям: «Не пропадать же нам (России!), но все, что над землей и опорочено, должно быть сожжено, заменено новым, соответствующим корням. Чудные корни завалены мусором. Религия – тупым формализмом, внешностью, самодержавие – бюрократией, этические элементы – той же религиозной внешностью и ложными учениями. Для того чтобы все это исправить, нужно все это понять. Но ведь... наконец, нужен и авторитет правительственный» [3, 171]. Но никакого подобного авторитета нет – самодержавие растеряло свой авторитет и держится даже в глазах своего преданного сторонника только отрицательным образом, «за неимением лучшего»: «С тех пор, как себя помню, я был почитателем самодержавия. Все возражение против него я мог оспаривать победоносно, и вот теперь является вся его несостоятельность в виде *argumentum ne ad hominem, in homine*. Но даже и теперь я за него стою, ибо еще сильнейший такой же аргумент *in hominibus* могу представить и я в виде списка временного правительства, избранного нашей петербургской интеллигенцией» [3, 26]. 22 декабря 1908, пережив еще целый ряд разочарований в монархе, Киреев записывает: «Трудно, очень трудно на политическом поприще. Государь, который все-таки (“*en dernier resort*” [“в конечном счете”, *фр.*]) верховный решитель дел, до такой степени шаток, что на него нельзя рассчитывать. На себе я это испытывал не раз. Убеждаешь и, кажется, совсем человек убедился, все отлично понял... и в результате тебе 0!» [3, 301]⁹. Некоторые надежды внушает фигура Столыпина – но они скоро проходят, когда становится понятно, что премьер далек от славянофильских идей. Уважение к Столыпину как к человеку Киреев сохранит до самой смерти, безоговорочно признавая его крупной фигурой и *gentleman*'ом – но с политической точки зрения для Киреева быстро становятся ясны пределы, до которых возможно согласие: это октябристская программа, умеренный конституционализм. Закономерным итогом становятся сетования об отсутствии «человека»: «Нет человека, человека властного, большого, около которого могла бы сгруппироваться Россия. Конечно, лучше, чтобы это был великий полководец или государственный муж... но даже хоть какой-нибудь великий поэт, мыслитель, мы бы и за ним пошли... Господи! Да где же он! Где этот человек, этот герой?!» [3, 336 (запись от 22 сентября 1909; ср. с записью от 23 декабря того же года – стр. 346)].

Наиболее любопытной особенностью неославянофильства в данных условиях оказывается то, что направление не сходит на «нет», исчерпав собственные возможности, но сосредотачивается и активно действует в той области, которая изначально имела огромную значимость в славянофильской доктрине, но вплоть до 1905 г. мало допускала действенное вмешательство представителей последней – мы имеем в виду церковную жизнь и вопросы изменения церковного строя. Для Киреева эти вопросы всегда имели большое значение, однако по мере того, как политическая жизнь все дальше уходит от славянофильских чаяний, неприменимость которых к изменившимся условиям становится очевидной и для самих неославянофилов, он начинает все большее сил вкладывать в дела по объединению старокатоликов с православной церковью и, что имело куда большие последствия, в работу предсоборного присутствия. Здесь его позиция отличалась недостаточной последовательностью, свойственной, впрочем, и такому видному представителю славянофильства, как И.С. Аксаков. Настаивая на оживлении приходской жизни, на обязательности присутствия мирян на Соборе, выборном характере их представительства (вопреки позиции иерархов, желавших, чтобы епископ назначал по своему усмотрению из представленных ему кандидатов), на восстановлении патриаршества и независимости церкви от светской власти, Киреев в то же время стремится сохранить целый ряд норм, обеспечивающих привилегированный характер православия в России, разграничивая «свободу вероисповеданий» и «свободу обращения», дабы не допустить «католической пропаганды».

Подводя итог тем изменениям в неославянофильских взглядах в 1905 – 1910 гг., что отразились в дневнике Киреева, отметим, что позиция, сложившаяся относительно славянофильского учения носила откровенно противоречивый характер. С одной стороны, формирование пусть и весьма неполноценного конституционного режима, означало крах славянофильства – последнее как альтернатива существующей политической системе попросту не находило себе места в новой конструкции политических сил, неизбежно отбрасываясь в «правый» лагерь и из-за слабости и вынужденных компромиссов теряя возможность ясной артикуляции своей позиции. С другой стороны, наблюдается активное включение славянофильства в новые области общественной и политической активности, в первую очередь в вопросы церковной жизни и подготовки реформ русской православной церкви. В последнем отношении многие из славянофильских идей оказались актуальны и в первые два десятилетия XX века, что найдет свое отражение в трудах и решениях Поместного Собора 1917 – 1918 г.

Библиографические ссылки:

1. Дневник Алексея Сергеевича Суворина / Текстол. Расшифровка Н. Роскиной; Подготовка текста Д. Рейфилда, О. Макаровой. – 2-е изд., испр. и доп. – London: The Garnett Press; М.: Изд-во Независимая Газета, 2000. – XL+670 с.

2. Каплин, А.Д. Славянофилы, их сподвижники и последователи / Отв. ред. О.А. Платонов. – М.: Институт русской цивилизации, 2011. – 624 с.
3. Киреев, А.А. Дневник. 1905 – 1910 / сост. К.А. Соловьев. – М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2010. – 472 с.
4. Русский консерватизм середины XVIII – начала XX века: энциклопедия / отв. ред. В.В. Шелохаев. – М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2010. – 639 с.
5. Славянофилы. Историческая энциклопедия. / Сост. и отв. редактор О.А. Платонов. – М.: Институт русской цивилизации, 2009. – 736 с.
6. Соловьев, К.А. Генерал Киреев и его дневник // Киреев, А.А. Дневник. 1905 – 1910 / сост. К.А. Соловьев. – М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2010. – С. 3 – 17.
7. Тесля, А.А. Этапы истории славянофильства в контексте исследований национализма // Общество. Мышление. Личность: сб. науч. тр. / под ред. проф. Л.Е. Бляхера. – Хабаровск: Изд-во Тихоокеан. гос. ун-та, 2010. – С. 24 – 32.
8. Цимабев, Н.И. Славянофильство (из истории русской общественно-политической мысли XIX века) / Н.И. Цимбаев. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1986. – 274 с.
9. [Шереметьев, С.Д.] Мемуары графа С.Д. Шереметьева. – М.: Индрик, 2001.

Примечания:

1. Исследование выполнено в рамках гранта от Совета по грантам Президента Российской Федерации (2011 г.). Тема: «Национальное самосознание в публицистике поздних славянофилов»; № гранта МК-1649.2011.6.
2. Отметим à propos: неославянофильство в указанном понимании, как и собственно славянофильское направление, представляет собой в первую очередь общность людей, связанных не только, а иногда и не столько идейными, сколько родственными и соседскими отношениями, тесными личными знакомствами. С данным обстоятельством увязана и концептуальная «размытость» неославянофильства – достаточно трудно объяснить, если исходить исключительно из области идей и политических установок, почему тот или иной деятель причисляется или нет к неославянофилам. Собственно, большинство наиболее заметных неославянофилов – дети собственно славянофилов: Ф.Д., П.Д. и А.Д. Самарины, Д.А. и Н.А. Хомяковы. Родовое имение Киреевых в Тамбовской губернии, часто посещалось их соседями: Аксаковыми, И.В. Киреевским, Ю.Ф. Самариным, А.С. Хомяковым [5, 272; 6, 4].
3. Особенность данного этапа в развитии славянофильских и неославянофильских идей кратко рассмотрена нами в статье: [7, 29 – 31].
4. Основные вехи служебного пути Киреева следующие: окончил Пажеский корпус, с 1853 г. служил в лейб-гвардии Конном полку, принимал участие в Крымской войне. В 1862 г. назначен адъютантом великого князя Константина Николаевича – при котором и +прослужил вплоть до кончины последнего в 1892 г. После смерти великого князя Киреев остался при дворе его вдовы Александры Иосифовны, проживая постоянно в Павловске и став в некотором смысле членом семьи «константиновичей». В 1907 г. получил звание генерала от кавалерии, став тем самым формально одним из наиболее высокопоставленных военных в Империи. Киреев был достаточно активен за пределами официальных обязанностей – в 1872 г. он стал одним из основателей Общества любителей духовного просвещения, с середины 70-х (вместе с

братом Николаем, погибшим в Сербии в июле 1876 г., куда отправился добровольцем) активно включился в работу Славянских комитетов, одним из руководителей которых он стал с 1880-х гг. С 1870-х годов в центре внимания Киреева неизменно находятся церковные вопросы, преимущественно вопрос о приходском устройстве Русской православной церкви и вопрос об объединении со старокатоликами. Последнее занимало большую роль в интеллектуальных интересах Киреева и в его деловой активности вплоть до последних лет жизни: 26 декабря 1909 г., чуть более чем за полгода до смерти, он записывает в дневнике: «У меня два недоконченных моих дела. Устав о поединках и старокатолический вопрос. Авось Бог даст, буду еще в состоянии окончить их или, по крайней мере, поставить их на торную дорогу» [3, 347]. Упоминаемый «устав о поединках – вторая *ide fixe* Киреева, выступавшего за введение в русской армии дуэлей официальным порядком, видя в них средство формирования и поддержания рыцарского духа и понятий о чести в армии.

5. Александр III относился к Кирееву весьма неприязненно, как, впрочем, и почти ко всем лицам, в той или иной степени близким к великому князю Константину Николаевичу. По воспоминаниям графа С.Д. Шереметьева однажды, увидев проходившего мимо окон дворца Киреева, император заметил графу: «Самый гнусный генерал русской армии» [9, 582]. Самому Кирееву, по крайней мере уже после смерти императора, была присуща более объективная оценка: «Был на открытии памятника Александра III [имеется в виду памятник работы кн. Паоло Трубецкого, установленный на Знаменской площади Санкт-Петербурга, ныне пл. Восстания; памятник ныне установлен в сквере Мраморного дворца. – *А.Т.*]. По-моему, очень неудачно. Какой-то мужик сидит на каком-то слоне. Сила выражена, но Александр III, несмотря на его ошибки, был человек с душой, любил Россию, любил историю, а тут какая-то глупая туша» [3, 324 (запись от 23 мая 1909)].

6. Запись от 12 января 1905 г.: «...Когда бунт, да еще политический, выходит на улицу, то, несомненно, его следует подавлять силой. Тут сентиментальность ни к чему. Она увеличивает без нужды число жертв. Этого мнения придерживался Муравьев (Виленский). И он повесил менее повстанцев нежели мы [т.е. в период наместничества в Царстве Польском великого князя Константина Николаевича] и Берг (в 63-64 г.)» [3, 22].

7. Необходимо кратко остановиться на отношении Киреева к крайне-правым партиям, в первую очередь к Союзу русского народа. Первоначально деятельность Дубровина находит одобрение и поддержку, что объясняется всеобщей растерянностью и кажущимся тотальным преобладанием либеральных и революционных сил. В дальнейшем доля критических замечаний в его адрес увеличивается. Уже на закате жизни Киреев записывает свою оценку Союза: «Это собрание очень не “эlegantное”, грубое, фанатическое, однако службу оно положительно несет, как должно. Жаль только, что состав его чересчур не чисто избран, есть и дряни немало, с ним даже администрация входит в борьбу (напр[импер], в Тамбове), но что же делать! В такое время, как наше, поневоле берешься за тех, кто попадает под руку, кто берется служить» [3, 346 (запись от 23 декабря 1909)]. Его беспокоит то, что Союз становится лицом всего русского консерватизма: «Беда в том, что “правых” а la Дубровин смешивают с правыми славянофилами» [3, 317 (запись от 16 апреля 1909)], но при общей слабости русских правых приходится терпеть даже глубоко несимпатичного союзника. Другим примером подобной вынужденной терпимости могут служить до-

вольно мягкие суждения о деятельности однозначно неодобряемого Илиодора [3, 289 (запись от 24 октября 1908)].

8. Необходимо отметить, что саму «сословность» Киреев понимает весьма отлично Свода Законов Российской Империи – отдельными категориями, требующими представительства, для него являются, например, промышленники и фабричные рабочие, что позволяет сблизить мысль Киреева с корпоративистскими идеями 1-й трети XX века.

9. Разочарование Киреева весьма глубоко – хотя критические высказывания касаются в первую очередь Николая II, однако он не сводит вопрос только к личности монарха – персональная неспособность оказывается тем самым лишь усугубляющим фактором по отношению к куда более фундаментальным проблемам самой сути государственного устройства Империи.